

ИТАЛИЯ В БОРЬБЕ ЗА “НЕИСКУПЛЕННЫЕ” ЗЕМЛИ

Италия имеет за плечами 150 лет общенациональной истории. Отсчет идет с того времени, когда многочисленные княжества, герцогства и королевства Апеннинского полуострова объединились и стали единой страной. Эта дата отмечается в нынешнем году, объявленном Годом Италии в России и Годом России в Италии.

Путь итальянского объединения был сложным и проходил через несколько этапов. Уже после формального объединения страны в 1861 г., позднее, в 1866 г., в состав Итальянского королевства вошла Венецианская область, а в 1870 г. – Рим, ставший итальянской столицей¹. Однако за пределами объединенной страны в начале XX в. оставался ряд территорий, на которые претендовали итальянцы, считавшие их неприсоединенными, или “неискупленными”, землями – терре ирреденте (*terre irredente*). Это часть Тироля (Тренто) и Триест. Итальянский термин “терре ирреденте” знаком большинству образованных европейцев. Ирредентизм, бывший сначала типично итальянским понятием, в дальнейшем получил более широкое толкование: им стали обозначать стремление нации собрать людей своей культуры и языка на единой национальной территории.

Терре ирреденте находились под владычеством Австро-Венгрии, с которой у Италии, несмотря на партнерство в созданном в 1882 г. по инициативе Бисмарка Тройственном союзе, складывались довольно напряженные отношения. В конце XIX – начале XX в. итальянские власти пытались всячески поддерживать остававшееся за пределами страны итальянское население, отстаивая его право на культурную автономию, на обучение итальянцев Австро-Венгрии на родном языке, вплоть до открытия итальянских университетов².

На самом деле в приграничных многонациональных районах, например, Тироле и Цислейтании, итальянское население, даже согласно официальной статистике и последней предвоенной переписи, не составляло большинства. Если исходить из критерия родного языка, названного участниками переписи, то этническим большинством в Тироле были немцы. Об этом свидетельствуют статистические данные, вошедшие в изданный известными историками А. Вандуршкой и П. Урбаничем сборник “Габсбургская монархия, 1848–1918”³. Так, динамика использования населением в качестве род-

Любин Валерий Петрович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, профессор Московского государственного лингвистического университета.

Работа выполнена в рамках поддержанного РГНФ проекта 09-01-00259а.

¹ Сложная история поэтапного объединения страны характеризуется в статье бывшего посла Итальянской республики в СССР в 1985–1989 гг., известного историка и публициста С. Романо. – Родина, 2010, № 4.

² См., например, документы Архива внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ) за 1900–1917 гг., ф. Канцелярия, Секретный архив и др.

³ *Die Habsburgermonarchie 1848–1918. Hrsg. A. Wandruszka, P. Urbanitsch. Bd. III. Die Völker des Reiches (1. Teilband).* Wien, 1980. Автор выражает благодарность историкам из Италии и Австрии М. Росси и К. Штеппану за присланные ими ссылки на статистические источники по этническому составу регионов Тироля, Цислейтании и Триеста.

ного языка в Тироле была такова: немецким пользовались в 1851 г. 424751 человек, или 56,35%, в 1910 – 525 115 человек, или 57,31%; итальянским в 1851 г. – 328 520 человек, или 43,58%, в 1910 г. – 385 700 человек, или 42,09% местного населения. В Цислейтании в 1851 г. немецким пользовались 6 333 183 человека, или 36,12%, итальянским – 530 190 человек, или 3,02%; в 1910 г. немецким – 9 950 266 человек, или 35,58%, итальянским – 768 422 человека, или 2,75%⁴.

Чтобы понять, с какими препятствиями сталкивались сторонники ирредентизма в Триесте, необходимо напомнить не только о том, что для Австро-Венгрии это был единственный большой порт на Адриатике, обеспечивавший империи выход в океаны, стратегически важный транспортный узел, но и о том, что в городе и на прилегающих территориях проживал довольно значительный славянский компонент населения⁵, о чем сторонники присоединения города и его окрестностей к Италии старались не вспоминать.

Как отмечает историк Э. Апиц в монографии по истории Триеста (глава “Политическая и социальная история”), согласно наиболее оспариваемой переписи населения 1910 г., в городе проживали более 95,7 тыс. итальянцев и 22,5 тыс. словенцев. После долгой дискуссии, дополнительного контроля и ревизии со стороны государственных органов число словенцев по этой переписи увеличилось с первоначальных 36 206 до 56 910 человек.

К этому следует добавить 12 тыс. немцев, 2,5 тыс. хорватов и 28,5 тыс. иностранцев, по большей части фриульцев. Если сюда же отнести неавстрийских подданных, то итальянцы составляли три четверти городского населения и две трети населения всей коммуны; если же считать только австрийских подданных, то процентное соотношение итальянцев значительно уменьшится. Это подтверждают и результаты политических выборов 1911 г., когда правом голоса обладали только мужчины: итальянские национал-либералы набрали 14 337 голосов, социалисты (среди которых трудно выделить словенский миноритарный компонент) – 10 236, славянские национал-либералы – 10 653 голоса⁶.

Когда разразилась Первая мировая война, итальянские правящие элиты осознали, что пробил час, когда они могут присоединить терре ирреденте и тем самым достойно завершить начавшийся еще в конце XVIII в. процесс Рисорджименто. На этом главном направлении и были сосредоточены усилия итальянской дипломатии в ключевой для истории страны период нейтралитета 1914–1915 гг. Тогда Италия более девяти месяцев выбирала, на чью сторону встать в невиданном, перевернувшем многие представления, глобальном вооруженном конфликте.

Вступление Италии в этот конфликт на стороне Антанты в мае 1915 г. произошло после длительного торга итальянской дипломатии, искавшей лучший, в ее понимании, путь присоединения “неискупленных” земель, с наибольшей выгодой для своих национально-государственных интересов.

Об этом периоде итальянской истории и о длительном торге итальянцев существует обширная историческая литература. Около 30 лет назад в дискуссии историков по рассматриваемой проблеме принял участие и автор данной статьи⁷. Впоследствии были изданы новые тома “Итальянских дипломатических документов”, позволившие историкам существенно дополнить картину внешней политики Италии в 1914–1915 гг.⁸

⁴ Ibid., S. 38–39.

⁵ Данному вопросу посвящена статья в вышедшем в 2010 г. сборнике “От Версаля до Мюнхена. Двадцать лет забытых войн”. Ее автор, М. Верджинелла исследует “словенский ирредентизм”, возникший после “аннексии Италией Триеста и Венеции Джулии”. См. *Verginella M. Genealogie di confine. Le rivendicazioni slovene su Trieste. – Da Versailles a Monaco. Vent’anni di guerre dimenticate.* Torino, 2010, p. 69–90.

⁶ *Apih E. Trieste: storia, politica e sociale.* Roma – Bari, 1988, p. 72–73.

⁷ *Любин В.П.* Италия накануне вступления в Первую мировую войну: На пути к краху либерального государства. М., 1982.

⁸ *Documenti Diplomatici Italiani* (далее – DDI), 5 serie, v. I (2 agosto – 16 ottobre 1914). Roma, 1954; v. II (17 ottobre 1914 – 2 marzo 1915). Roma, 1984; v. III (3 marzo – 24 maggio 1915). Roma, 1985.

Выводы представленной читателям статьи основаны как на этих итальянских, так и на не использованных ранее историками российских архивных документах, найденных автором в Архиве внешней политики Российской империи и в Архиве внешней политики РФ.

* * *

На второй день мировой войны, которую позднее в европейских странах назовут “великой”, 2 августа 1914 г., Италия заявила о нейтралитете, на чем настоял тогдашний министр иностранных дел маркиз А. Ди Сан Джулиано. Вскоре, 16 октября, Сан Джулиано скончался.

Тем временем осенью 1914 г. в стране начались события, отзвуки которых имели долгое эхо в итальянской истории. Именно к периоду нейтралитета 1914–1915 гг. относится формирование двух лагерей – интервентистов и нейтралистов, вызвавшее глубокий раскол в обществе. Последовал бурный рост все более агрессивного интервентизма, одним из вождей которого стал Б. Муссолини, изгнанный из социалистической партии⁹. Впоследствии многие будут называть интервентизм провозвестником фашистского движения¹⁰.

Конечно, сторонникам интервентизма не были известны закулисные игры и торг итальянской дипломатии, возглавленной после смерти Сан Джулиано бароном С. Соннино, другом и сподвижником тогдашнего премьер-министра А. Саландры, который и назначил его на этот пост. Оба они вели линию на сближение с Британией, Францией и Россией и участие страны в войне на стороне Антанты. Однако итальянская дипломатия маневрировала, согласившись на переговоры и с Австро-Венгрией.

Формально вплоть до начала мая 1915 г. Италия не выходила из Тройственного союза, поддерживая у своих союзников – Германии и Австро-Венгрии – иллюзию, что ее нейтралитет является по отношению к ним благожелательным и страна готова его сохранить в обмен на уступку Австро-Венгрией населенных итальянцами областей, т.е. terre irredente. Речь шла, напомним, о Южном Тироле, в итальянском обозначении Трентино, и крупнейшем из принадлежавших Австро-Венгрии портов на Адриатике – Триесте – с прилегающими территориями.

Интервентизм стал козырем в игре итальянских правящих политиков, они умело его разыграли, создавая впечатление, будто бы большинство населения поддерживает вступление страны в войну ради того, чтобы довести до конца процесс Рисорджименто, объединить нацию “под одной крышей”. Кроме этого призыва, правящие круги мало что могли предложить общественному мнению в качестве причины для нарушения нейтралитета и вовлечения страны в войну. К аргументации вроде “войны за демократические идеалы”, против автократических Центральных держав, мало кто готов был прислушаться. Ведь в рядах Антанты находилась еще более автократическая Российская империя, которую перед войной итальянские левые и либералы не уставали критиковать за жестокость порядков.

Все эти зигзаги итальянской политики отражены в изданных томах парламентских дебатов того времени, в мемуарах Саландры и Соннино, в их опубликованной пере-

⁹ См. Любин В.П. Социалисты в истории Италии: ИСП и ее наследники, 1892–2006. М., 2007.

¹⁰ О попытках Муссолини получить в начале 1915 г. от царского правительства 1 млн. французских франков за вовлечение Италии в войну с помощью вооруженной провокации на австро-итальянской границе, которую могли бы устроить интервентисты, см. публикацию А.С. Корнеева (Исторический архив, 1962, № 5), а также мой доклад на московской международной конференции 1994 г. по истории Первой мировой войны. Доклад частично опубликован, см. Россия и современный мир, 1995, № 2; Corriere della Sera, 11.VI.1994. На основании новых розысков в российских архивах АВПРИ, РГАВМФ, РГИА, РГВИА и изучения публикаций в итальянской прессе за 1915 г. мне удалось добавить к находкам А.С. Корнеева новые факты, отражающие готовность Муссолини к сотрудничеству с царской разведкой на платной основе.

писке, а также в воспоминаниях или дневниках известных итальянских деятелей того времени – Ф. Мартини, О. Малагоди, Л. Альбертини и др. Но основным источником, лишенным субъективности мемуарной литературы и пристрастных суждений, позволяющим историкам понять, что и как происходило, построить логическую цепочку связи между процессом планирования политики и дипломатии и его конкретными результатами, являются дипломатические и прочие документы той эпохи.

В итальянской историографии о перипетиях периода нейтралитета писал главным образом видный историк Б. Виджецци, чьи труды о том периоде стали классикой¹¹. Отношения Италии и Австрии исследованы в монографии известного историка и политика Л. Вальяни “Распад Австро-Венгрии”¹². В работах их последователей часто лишь повторялись сделанные ими выводы. Разногласия между двумя странами не раз становились предметом рассмотрения на проводившихся регулярно, раз в два года, в СССР и Италии конференциях итальянских и российских историков в 1960–1970-е годы.

В европейских дипломатических документах того времени не раз мелькало понятие “терре ирреденте” и отражались стремления Италии рано или поздно присоединить эти земли. Так, в ежегодных отчетах министерства иностранных дел Российской империи о политике европейских держав (в этом списке свое место, конечно же, занимали и соседствующая с Россией Австро-Венгрия, и Италия) и в посольских донесениях не раз затрагивались данные сюжеты. Нередко в итоговом годовом отчете о внутриполитической ситуации в Австро-Венгрии речь шла о стычках итальянцев с представителями других национальностей в многонациональной империи, запретах австро-венгерских властей на культурную и образовательную автономию итальянцев, о негативной реакции общественного мнения Италии на жесткую политику австро-венгерских властей в отношении итальянского населения двуединой монархии. Российские дипломаты делали из этого собственные выводы.

В ходе официального визита в Италию императора Николая II в 1909 г. российская дипломатия во главе с министром иностранных дел А.П. Извольским, сопровождавшим царя, успешно осуществила планы более тесного сближения с Итальянским королевством. Это выразилось в подписании в летней резиденции итальянского короля Виктора Эммануила III в Ракониджи соглашений, обозначивших сферы интересов обеих стран на Балканах, где Россия издавна вела свою игру, вступавшую в прямое противоречие с балканской политикой Австро-Венгрии и Германии. Как и франко-итальянское сближение начала XX в., договоренности в Ракониджи сыграли свою роль в переманивании Италии из Тройственного союза в Антанту, что на деле стало одной из заметных внешнеполитических побед этого блока в начальный период войны, подкрепленной военным партнерством итальянцев.

Переговоры с Антантой проходили в период итальянского нейтралитета 1914–1915 гг. по взаимному согласию сторон в Лондоне. Идея провести такие переговоры возникла в самом начале войны и держалась итальянцами в глубокой тайне от партнеров по Тройственному союзу¹³.

Уже в августе 1914 г. российская дипломатия была готова пойти на значительные уступки Италии, если та примкнет к антантовской коалиции, вступив в войну против своих партнеров по Тройственному союзу. В таком случае Россия, пожертвовав собственными интересами на Балканах и престижем защитницы славян, соглашалась, чтобы после победы Антанты к Италии были присоединены Тренто и Триест, и выражала готовность признать претензии Италии на албанскую Валону (Влëру) и господство на Адриатике.

О том, чего удалось добиться итальянцам от Антанты уже в самом начале переговоров о признании своих территориальных притязаний на Тренто и Триест, свидетель-

¹¹ *Vigazzi B. L'Italia di fronte alla prima guerra mondiale. V. I. L'Italia neutrale. Milano, 1966.*

¹² *Valiani L. La dissoluzione dell'Austria-Ungheria. Milano, 1966.*

¹³ Так, в беседе с российским послом Крупенским, проходившей 15 августа во Фьюджи, где больной министр Сан Джулиано проходил лечение, глава итальянского министерства иностранных дел подчеркнул, что “переговоры должны быть совершенно секретны и происходить исключительно в Лондоне, а не в другой столице”. “Министр настаивал на особой секретности его беседы со мною”, подчеркивал посол. – АВПРИ, ф. Канцелярия, 1914, д. 34. л. 32.

стствует пометка Николая II, формально руководившего российской внешней политикой, на телеграмме, полученной из Италии в Санкт-Петербурге вечером 8 августа и сразу же доставленной царю в Петергоф. Напротив слов: “Если бы мы обещали Италии Триест и Тренто, она, вероятно, примкнула бы к нам”, император написал синим карандашом: “Ведь так и сделано?”¹⁴. Можно не сомневаться, что ответ министра иностранных дел Сазонова на этот вопрос был положительным.

Переговоры об условиях вступления Италии в войну на стороне Антанты шли напряженно, итальянцы добивались все новых уступок, касавшихся не только Трентино и Триеста, но и будущих потенциальных сфер влияния и колоний.

16 февраля 1915 г. Соннино с курьером отослал послу в Лондоне маркизу Имперiali “секретнейший, только для него одного” разработанный итальянскими политиками и уместный в 26 параграфов проект договора, который Имперiali в самых общих чертах должен был изложить главе британского Форин оффис сэру Эдуарду Грею. В последнем параграфе говорилось: “Настоящий договор должен остаться секретным. Как только будет объявлено об объявлении Италией или Италией войны, будет опубликован его первый параграф, касающийся обязательства не заключать сепаратного мира”¹⁵.

Итальянские политики вели двойную игру, лавируя между Антантой и партнерами по Тройственному союзу и проводя тайные переговоры одновременно с обеими враждующими коалициями. Начиная с 4 марта 1915 г.¹⁶, когда Соннино и Саландра поняли, что предлагаемые из Вены уступки не принесут желаемого результата – присоединения terre ирреденте, переговоры между Имперiali¹⁷ и Греем пошли в ускоренном темпе. Это и позволило итальянцам уже 26 апреля 1915 г. заключить договор с тремя державами Антанты. По нему гарантировались не только присоединение Трентино и Триеста, но и другие территориальные, в том числе колониальные, приращения и удовлетворение соответствующих притязаний империалистического свойства. Текст Лондонского договора со всеми его секретными статьями, опубликованный большевиками в 1918 г., еще до окончания мировой войны, вызвал громкий международный скандал¹⁸. Публикацией были обнажены, по сути, империалистические амбиции как ведущих стран Антанты, так и Италии.

Лондонские переговоры с Антантой проходили сложно. Так, 12 марта 1915 г. Имперiali сообщил Соннино, что Грей считает территориальные требования Италии завышенными. Имперiali напомнил Грею, что Валона (Влѣра) уже практически “в наших (итальянских. – В.Л.) руках” и теперь речь идет о Далмации. «Здесь было бы уместно напомнить, – писал Имперiali, – что 8 августа 1914 г. Сазонов сказал Карлотти (итальянскому послу в России. – В.Л.), что “Австро-Венгрия не сможет действительно противостоять оккупации Трентино, Триеста, Далмации и Валоны”»¹⁹.

В этой же телеграмме Имперiali ссылался на донесение маркиза Карлотти от 11 августа, отметившего тогда: “Что касается завоевания Далмации, от Зары до Рагузы, Сазонов выразил желание, чтобы Италия гарантировала славянскому населению религиозные и культурные свободы, что будет и в ее собственных интересах, гарантируя соблюдение сердечного сожительства двух компонентов населения”²⁰. “Этимися словами, – отмечал Имперiali, – российский министр иностранных дел ясно подтвердил согласие с нашим завоеванием Далмации”²¹. При этом он напоминал Соннино, что если

¹⁴ Там же, д. 97, т. 1, л. 3.

¹⁵ DDI, 5 serie, v. II, doc. 816, p. 696.

¹⁶ *Candeloro G. Storia dell'Italia moderna. V. 8. La prima guerra mondiale. Il dopoguerra. L'avvento del fascismo. Milano, 1984, p. 92.*

¹⁷ “Италия будет готова к войне к середине апреля”, – заверял Соннино посла в Лондоне Имперiali. – DDI, 5 serie (1914–1918), v. II, p. 692.

¹⁸ См. Сборник договоров России с другими государствами 1856–1917 гг. М., 1952, с. 436–441.

¹⁹ DDI, 5 serie, v. I, doc. 133, p. 71.

²⁰ Ibid., doc. 194, p. 109–110.

²¹ DDI, 5 serie, v. III, doc. 86, p. 67.

уж Россия выразила свое согласие с данным требованием итальянцев, то еще легче будет получить такое согласие от Британии и Франции.

Менее известно о трудных переговорах итальянской дипломатии с ее все еще формальными союзниками, прежде всего с Германией. Послом Германии в Риме стал крупный политический деятель, бывший рейхсканцлер князь Б. фон Бюлов. Германские дипломаты “выкручивали руки” австрийцам, принуждая их уступить Италии хотя бы Южный Тироль с его смешанным населением. Эти переговоры велись итальянцами, можно сказать, для прикрытия. Их ход отражен в переписке Соннино с послами в Вене и Берлине, соответственно, Дж. Аварной и Р. Боллати²². Впрочем, какое-то время, по-видимому вплоть до марта 1915 г., Саландра и Соннино еще размышляли, нельзя ли добиться присоединения terre ирреденте, получив их от Австро-Венгрии в качестве уступки за нейтралитет. В Риме надеялись избежать прямого участия в вооруженном конфликте, неминуемо связанном с многочисленными жертвами.

Правительству дуалистической монархии вовсе не хотелось иметь Италию в числе своих военных противников. Учитывая ряд неудач, которые австро-венгерская армия к тому времени потерпела на русском фронте, Вена соглашалась пойти на уступки итальянцам, в том числе и территориальные. 9 марта 1915 г. Аварна сообщал Соннино из Вены: “Барон Буриан (министр иностранных дел Австро-Венгрии. – В.Л.) сказал мне, что императорское и королевское правительство согласно обсудить вопрос о компенсациях, исходя из статьи 7-й договора о Тройственном союзе, на основе того же предложения (итальянского. – В.Л.) королевского правительства, т.е. на основе уступок территорий, принадлежащих Австро-Венгерской монархии”²³.

Это решение было принято советом министров двуединой монархии на заседании 8 марта в присутствии императора и престолонаследника эрцгерцога Карла. Оно было вызвано как возобновлением германского давления, ставшего, однако, более приемлемым для Вены, когда из Берлина австрийцам предложили небольшую территориальную компенсацию на юге прусской Силезии, так и изменением позиции главы венгерского правительства И. Тисы, бывшего ранее главным вдохновителем непримиримости барона Буриана.

Давление со стороны Германии и венгерского правительства во главе с Тисой было вызвано пессимистической оценкой военного положения: продвижением русской армии и взятием затем, 22 марта, Перемышля, а также начавшимися военными действиями англичан и французов в Дарданеллах. Поэтому Тиса, ранее сопротивлявшийся уступке Трентино итальянцам из-за боязни, что это приведет к аналогичной уступке Трансильвании Румынии, теперь высказался за соглашение с Италией за счет Австрии. Он опасался, что совместное наступление русских, румын, сербов и итальянцев вынудит Венгерское королевство пойти на большие территориальные уступки.

К давлению из Берлина и изменению позиции венгров добавилась новая попытка посредничества, предпринятая Святейшим престолом. За несколько дней до описываемых событий Ватикан посетил один из руководителей германской католической партии Центра М. Эрцбергер²⁴.

На австрийское предложение о переговорах Соннино ответил, что итальянская сторона готова к обсуждению, но выставил три условия: полная тайна переговоров, непосредственная реализация только что заключенных соглашений, исключение дальнейшего обращения к статье 7-й союзнического договора на все время войны. Он просил также закончить переговоры в две недели, а в случае их неудачи – вернуться на исходные позиции. Австрийцы отвергли условие непосредственной реализации, на чем Соннино, однако, настаивал, как он заявлял фон Бюлову, и по внутривнутриполитическим причинам²⁵.

²² “Здесь уже потеряли терпение”, – писал Боллати Аварне 27–28 февраля 1915 г., после своей беседы накануне с главой германской дипломатии Г. фон Яговым. – DDI, 5 serie, v. II, p. 757.

²³ *Sonnino S. Carteggio 1914–1916.* – A cura di P. Pastorelli. Bari, 1974, p. 263–264.

²⁴ *Эрцбергер М.* Германия и Антанта. М. – Пг., 1923, с. 34–50. См. также: *Готлиб В.В.* Тайная дипломатия во время Первой мировой войны. М., 1960, с. 526–531.

²⁵ *Sonnino S. Diario 1914–1916.* – A cura di P. Pastorelli. Bari, 1972, p. 105.

12 марта 1915 г., в тот же день, когда была получена уже цитировавшаяся телеграмма от Империи по поводу отношения стран Антанты к итальянским требованиям, Соннино отправил телеграммы послам Боллати и Аварне: «Телеграфные агентства сообщают, что “германская радиотелеграфная служба сообщила официальную новость о начале переговоров между Австро-Венгрией и Италией с хорошими перспективами на достижение соглашения. Во “Frankfurter Zeitung” будет затем напечатано, что, согласно заслуживающим доверия источникам, в компетентных кругах твердо решено найти фундаментальную основу для широкого согласия держав Тройственного союза и что “в переговорах между Италией и Австро-Венгрией первый и, вероятно, решающий шаг уже сделан”»²⁶.

Как отмечает итальянский историк Дж. Канделоро, переговоры, еще не начавшись, казалось, уже зашли в тупик, когда Саландра призвал Соннино избегать разрыва с Центральными державами до тех пор, пока армия не будет готова к выступлению и не будет получен сигнал доверия со стороны Антанты²⁷. Саландра советовал продолжать переговоры, сместив центр тяжести на уровень территориальных уступок, на чем настаивал Бюлов, и оставив до лучших времен вопрос о непосредственной реализации соглашения. Таким образом, Соннино продолжил переговоры с Веной, одновременно настаивая на том, чтобы Империя ускорил переговоры в Лондоне. В начале апреля Буриан сообщил Аварне, что Австрия готова уступить Тренто с частью Трентино.

В ответ Соннино направил в Вену проект договора из 11 статей. Он предлагал австрийцам уступить Италии Трентино в границах Итальянского королевства Наполеона 1811 г. (т.е. вместе с Больцано и вплоть до Кьюза), “исправить” в пользу Италии восточные границы, уступив ей Горицию, Градиску и Монфальконе, предоставить Триесту вместе с Каподистрией и Пирано статус автономии, уступить Италии острова Лиса, Лезина, Курцола, Лагоста, Кацца, Меледа и Пелагоза, обеспечить занятие итальянцами уступленных территорий сразу же после заключения договора, признать итальянский суверенитет над Валонией (Влёррой) и островом Сасено, а кроме того, признать, что Албания находится вне интересов Австрии. Взамен Италия готова была принять на себя обязательства сохранять нейтралитет на протяжении всей войны и в будущем отказаться от трактовки в свою пользу статьи 7-й договора Тройственного союза.

Вероятно, Соннино был убежден, что Австрия отвергнет большинство из данных условий. Однако, как признал потом Саландра, если бы Австрия согласилась, то и при отказе от вступления в военные действия следовало бы сохранять боеготовность²⁸.

Что же касается лагеря нейтралитетов в Италии, то такой видный политик, как Дж. Джолитти, с самого начала периода нейтралитета и до его окончания придерживался линии на мир с Германией и Австро-Венгрией. Это позволило ему стать символическим лидером нейтралитетов. Итальянская социалистическая партия занимала антимилитаристские позиции в духе решений предвоенных конгрессов Социалистического Интернационала и противилась вовлечению страны в войну, на чьей бы то ни было стороне. Но она не смогла повести за собой широкие массы²⁹. Итальянский нейтралитет как политическое течение проиграл битву в общественном мнении националистически настроенным интервентистам в определенной мере и потому, что последним удалось разыграть карту terre irredente в качестве последнего усилия по объединению страны, завершению Рисорджименто.

В конечном счете итальянские правящие круги выбрали свой путь, встав на сторону Антанты, и вовлекли Италию в войну. Это произошло 23 мая 1915 г. В длинной телеграмме-циркуляре Соннино всем дипломатическим службам, отправленной в день начала войны, объяснялись причины вступления в нее Италии и, в частности, отмечалось,

²⁶ DDI, 5 serie, v. III, doc. 87, p. 67.

²⁷ Candeloro G. Op. cit., p. 94.

²⁸ Salandra A. L'intervento. Milano, 1930, p. 121.

²⁹ См. Любин В.П. Социалисты в истории Италии: ИСП и ее наследники, 1892–2006. М., 2007, с. 151–195.

лось, что если Австро-Венгрия и соглашалась уступить Италии Трентино, то передача этой территории откладывалась до окончания войны³⁰.

Изнурительная для Италии война продолжалась до 4 ноября 1918 г., до победы над австро-венгерской армией у местечка Витторио Венето. Эта дата до сих пор отмечается в Италии как большой национальный праздник. По мирным договорам, составившим Версальскую международно-правовую систему, Италия получила вожаделенные терре ирреденте, забрав их у канувшей в Лету Австро-Венгрии.

Однако вопрос о терре ирреденте был улажен в итальянской политической и общественной жизни не так скоро, о чем свидетельствуют исторические факты. Подспудное чувство возможной потери этих земель, полученных в результате послевоенных разделов бывшей австро-венгерской территории, присутствовало в итальянском обществе довольно долго. Политики опасались за их будущее, а проводившаяся режимом Муссолини политика насильственной итальянизации, запрета всего немецкого, показывает, что позиции новых властей не отличались там устойчивостью и они всячески стремились их укрепить.

О подобных опасениях итальянских властей свидетельствуют и дипломатические документы, относящиеся уже к периоду фашистской диктатуры Муссолини. Тогда в результате аншлюса Австрии в 1938 г. возникла прямая угроза того, что гитлеровская Германия, заинтересованная в прямом выходе к Средиземноморью, отберет у Италии присоединенные земли и включит их в состав "третьего рейха".

6 мая 1938 г. советское посольство в Риме сообщало наркому иностранных дел М.М. Литвинову: "Проводится ряд мероприятий, которые не могут быть расценены иначе, как стремление Рима сократить возможности германской экспансии в Юго-Восточной Европе и на Балканах. Проблема Триеста, положение Южного Тироля серьезно беспокоят итальянские правящие круги. В этом свете характерны усилия к расширению экономических связей с Югославией, заявления Чиано, что Адриатическое море должно стать итало-югославским, попытка закрепить свое положение в Венгрии, начало широких торговых переговоров с Румынией, активизация политики в Греции"³¹.

После Второй мировой войны на Триест и окружающие его земли претендовал югославский лидер Й. Броз Тито. Вопрос о Триесте удалось уладить лишь к 1955 г. Его передача Италии сопровождалась тем, что ранее, сразу по окончании Второй мировой войны, в ведение федеративной Югославии был передан город Фиуме. Более 300 тыс. итальянцев подверглись изгнанию из района Фиуме и еще долго были вынуждены жить во временных лагерях в районе Триеста.

В 2007 г. с призывом привлечь внимание международной общественности к несправедливости этого изгнания, к жестокости расправ с мирным итальянским населением выступил нынешний итальянский президент Дж. Наполитано. Пожалуй, впервые за весь послевоенный период в официальной речи итальянского политика были сказаны столь горькие слова по данному поводу.

По Конституции 1947 г. Трентино-Альто Адидже стал одним из регионов Италии с широкой автономией и особыми правами. Но от записанных в Конституции прав до их реального осуществления этот автономный регион страны, так же как и другие, прошел во второй половине XX в. тернистый путь.

Вопрос о Южном Тироле был урегулирован с помощью ООН лишь в 1992 г. Вплоть до этого времени в данном регионе Италии происходили террористические акты, вызванные напряженными отношениями между его итальянским и немецким населением. Лишь с недавних пор в наименовании этого итальянского региона получили права равенства два названия: Трентино-Альто Адидже и Южный Тироль³².

³⁰ DDI, 5 serie, v. III, doc. 769, p. 605.

³¹ Архив внешней политики РФ, ф. Секретариат Литвинова. 1938 г., оп. 18, д. 88, п. 144, л. 76.

³² Всеохватную картину истории этого региона дали авторы изданной на двух языках – итальянском и немецком – коллективной монографии "Регион Трентино – Южный Тироль в XX веке". См. *La regione Trentino-Südtirol nel XX secolo. Die Region Trentino-Südtirol im 20. Jahrhundert*. Hrsg. G. Ferrandi, G. Pallaver. Trento, 2007.